

*Гэри и Зов Карамардиан в благодарность за их дружбу,  
за то, что они относятся к тем людям,  
которые делают жизнь радостной для других,  
за то, что они приютили нас,  
пока мы были вдали от нашего дома.  
Мы решили со следующей недели поселиться у вас  
навсегда!*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В НЕЗНАКОМЫХ  
ВОДАХ

Для заблудших путников, для нас,  
Нет тарифов у вокзальных касс.  
Недоступен нам любой маршрут,  
За который денежки берут.

Странный, ускользящий пейзаж  
Превращает видимость в мираж,  
Как и нашу собственную суть.  
Так все зыбко, что посмертный путь,  
Где царят безмолвие и тьма,  
Меньше тайн хранит, чем жизнь сама.

*Книга памятных печалей*

Нити жизни из клубков судьбы  
Нежат нас, воздушны и слабы,  
Но пророчит дней грядущих даль  
Их тисков убийственную сталь<sup>1</sup>.

*Книга памятных печалей*

---

<sup>1</sup> Перевод М. Яхонтовой.

## Глава 1

С мыслями об этой женщине и печалью в сердце Спенсер Грант мчался сквозь дождливую ночь в поисках красной двери. Рядом с ним в машине молча сидела собака. По крыше автомобиля негромко стучали капли дождя.

Когда февральские сумерки совсем сгустились, ближе к ночи, с Тихого океана принесло грозовые тучи и начался сильный дождь. Его, пожалуй, нельзя было назвать ливнем, но он, казалось, вымыл из города всю энергию. Лос-Анджелес вместе с пригородами утратил четкие линии, размылись углы, ушло кипение, царившее на магистралях. Здания сливались в одну сплошную стену, машины медленно тянулись по улицам, расплывшимся в серой мгле.

В Санта-Монике, где справа от дороги тянулись по берегу океана пляжи, Спенсер остановился у светофора.

Рокки — дворняга чуть поменьше лабрадора — с большим интересом смотрел вперед. Когда Спенсер с ним ездил в своем грузовичке, то Рокки иногда смотрел в боковое окно, хотя ему гораздо интереснее было наблюдать, что происходит впереди.

Даже когда ему приходилось ездить на заднем сиденье, он редко смотрел в окно за ним. Он ужасно не любил смотреть назад. Возможно, от этого у него кружилась голова. Когда же пейзаж как бы наезжал на него, неприятного ощущения не было.

А возможно, вид уносящегося назад шоссе ассоциировался у Рокки с прошлым. У него были причины не любить прошлое.

Так же, как и у Спенсера.

Ожидая, когда загорится зеленый свет, Спенсер дотронулся до лица. У него была привычка касаться своего шрама, когда его

что-нибудь тревожило, — так другие иногда теребят четки. Ощущение в пальцах успокаивало его, возможно напоминая, что самое страшное в своей жизни он уже пережил и ничего более ужасного с ним произойти не может.

Этот шрам на лице сразу бросался в глаза. Спенсер был меченым.

Бледный гладкий рубец шириной миллиметров десять тянулся от правого уха до подбородка. И хотя в тонкой полоске соединительной ткани не было нервных окончаний, у Спенсера бывало ощущение, что на лице лежит раскаленная проволока. На летнем солнцепеке шрам оставался холодным.

Загорелся зеленый свет.

Собака, предвкушая движение, вытянула вперед лохматую шею.

Спенсер не торопясь ехал на юг вдоль темного побережья, положив на руль обе руки. Он с волнением высматривал красную дверь на фасадах множества магазинов и ресторанов.

И хотя он больше не дотрагивался до полоски на лице, но все время ее чувствовал. Он никогда не забывал про свою отметину. Улыбаясь или хмурясь, он чувствовал, как натягивается кожа на правой половине лица. Если же он смеялся, удовольствие всегда портило это напряжение кожи.

Казалось, дворники равномерно отщелкивают ритм дождя.

Во рту у Спенсера пересохло, а ладони были влажными. Напряжение в груди росло от волнующего предвкушения встречи с Валери.

Правда, временами появлялась мысль повернуть и поехать домой. Новые надежды, возникшие у него, наверняка были очередным миражом. Он был одинок и всегда будет одинок, если не считать Рокки. Ему самому было стыдно за такой проблеск надежды, за ту наивность, которая еще жила в нем, за тайные желания, за это тихое безумие. Но все же он продолжал двигаться.

Рокки не знал, что они ищут, но, когда появилось красное пятно, он беспокойно задвигался. Несомненно, он реагировал на изменение в настроении Спенсера, которое почувствовал мгновенно.



Коктейль-бар виднелся между китайским рестораном с рисунком на матовых стеклах и пустой витриной бывшей картинной галереи. Витрина была заколочена, и на некогда благородном фасаде не хватало нескольких облицовочных кирпичей, как будто это заведение не просто прогорело, но было вышиблено из бизнеса артиллерийскими снарядами. Сквозь серебристые струи дождя фонари у коктейль-бара освещали красную дверь, которую он запомнил с прошлой ночи.

Спенсер не мог вспомнить название этого заведения. Теперь ему показалось, что провал в памяти был шуткой, — неоновая надпись над входом гласила: «Красная дверь». Он усмехнулся.

После бесконечных шатаний по барам в течение многих лет он уже перестал их различать и не обращал внимания на названия. В сотнях городов и городишек эти бесчисленные забегаловки были, в сущности, чем-то вроде церковных исповедален — только сидя на табуретке перед стойкой, а не стоя коленями на молитвенной скамейке, он бормотал свои признания посторонним людям, хотя они не были священниками и не могли отпустить его грехи.

Его исповедниками становились пьянчуги, такие же заблудшие души, как и он сам. Они были не в силах определить для него необходимое искупление, чтобы он мог обрести душевный покой. Они сами не знали, в чем смысл жизни.

В отличие от незнакомцев, которым он частенько открывал душу, Спенсер никогда не напивался. Для него опьянение было столь же диким и неприемлемым, как и самоубийство. Напиться — значит потерять над собой контроль. Этого он допустить не мог. Постоянный самоконтроль — это единственное, что ему оставалось в жизни.

Доехав до конца квартала, Спенсер свернул налево и остановил машину в переулке.

Он ходил по барам не для того, чтобы пить, а просто чтобы не быть одному, чтобы рассказывать о своей жизни кому-нибудь, кто уже к утру забудет обо всем. Иногда за весь вечер он выпивал одну-две кружки пива. И потом в своей спальне он долго лежал, уставившись в потолок, и наконец закрывал глаза. Тени на потолке лишь напоминали о том, что ему так хотелось забыть.

Когда он выключил двигатель, барабанная дробь дождя стала еще слышнее — это был холодный звук, от которого мороз пробегал по коже так же, как и от криков тех умиравших детей. Он иногда слышал их в своих самых страшных снах.

Желтоватый отсвет ближайшего фонаря проник внутрь грузовичка, упал на Рокки. Его большие выразительные глаза внимательно смотрели на Спенсера.

— Возможно, это все и ни к чему, — проговорил Спенсер.

Собака подалась вперед, чтобы лизнуть правую руку хозяйина, которая все еще лежала на руле. Казалось, пес хотел сказать Спенсеру, чтобы он успокоился и делал то, что собрался.

Спенсер протянул руку, чтобы погладить собаку, и Рокки наклонил голову — не для того, чтобы Спенсеру было удобнее потрепать его за уши и шею, а в знак покорности и преданности.

— И сколько же мы с тобой вместе? — спросил собаку Спенсер. Рокки, все еще наклоняя морду вниз, слегка подрагивал под ласковой рукой хозяина. — Почти два года, — ответил Спенсер на собственный вопрос. — Два года ласки, долгих прогулок, погони за оводами на пляже, регулярного питания... и все же тебе иногда кажется, что я хочу тебя ударить.

Рокки по-прежнему сидел в позе, выражавшей полную покорность.

Спенсер приподнял собачью морду. Чуть посопротивлявшись, Рокки все же уступил.

Глядя псу в глаза, Спенсер спросил:

— Ты мне доверяешь? — Собака смущенно отвела глаза и смотрела куда-то влево. Спенсер ласково потянул ее морду к себе. — Ну-ка давай держать хвост пистолетом, идет? Будем гордыми, ладно? Уверенными в себе. Будем держать голову высоко и смотреть людям прямо в глаза. Ты меня понял? — Рокки высунул язык и лизнул пальцы, державшие его. — Воспринимаю это как согласие. — Спенсер отпустил собаку. — В этот коктейль-бар я тебя взять не могу. Ты уж не обижайся.

В некоторых забегаловках Рокки разрешалось сидеть у ног Спенсера или даже на табуретке; хотя он и не был собакой-поводырем, но никто не возражал против подобного нарушения санитарных правил. Обычно собака была наименьшим из нарушений, за которые следовало бы привлечь к ответственно-



сти и вызвать полицейского. Однако «Красная дверь» — заведение с определенными претензиями, и Рокки бы там не обрадовались.

Спенсер вылез из грузовичка, захлопнул дверь. Заперев машину, он через дистанционное управление включил систему сигнализации.

Он не мог положиться на Рокки как на сторожа «эксплорера». Его пес был из тех, кто в жизни не нападет на автомобильного вора и даже не пугнет его, если только этот вор не испытывает особого отвращения к собачьим ласкам.

Проскочив под холодным дождем к спасительному укрытию навеса, Спенсер оглянулся.

Собака передвинулась на его место, уткнулась носом в боковое стекло, одно ухо торчало, другое свешивалось вниз. От дыхания Рокки стекло помутнело. Пес смотрел в окно и молчал. Рокки никогда не лаял. Он просто смотрел и ждал. Это были шестнадцать килограммов любви и преданности в чистом виде.

Спенсер отвел глаза, повернул за угол и съежился под пронизывающим ветром.

Звуки этой влажной ночи наводили на мысль, что побережье со всеми строениями, деревьями превращается в массу ледяных глыб, постепенно поглощаемых темной пастью океана. Дождь стекал с навеса, булькал в сточных канавах, брызгал из-под колес проезжавших мимо машин. Едва слышимый, скорее даже не слышимый, а ощутимый, непрерывный шум прибоя свидетельствовал о постоянном и медленном разрушении пляжей и берегов.

Когда Спенсер проходил мимо заколоченных витрин бывшей картинной галереи, из темного подъезда раздался голос. Это был сухой, хриплый, скрипучий голос:

— Я знаю, кто ты.

Остановившись, Спенсер взгляделся во тьму. В подъезде сидел человек, раскинув в стороны ноги и прислонившись к двери, ведущей внутрь галереи. В грязной одежде, небритый, он более походил на кучу рванья, чем на человека, к тому же его лохмотья были настолько пропитаны потом и прочими органическими выделениями, что стали настоящим питомником для паразитов.



— Я знаю, кто ты, — тихо, но достаточно четко произнес бродяга.

Из темноты доносился запах немытого тела, мочи и дешевого вина.

В конце семидесятых, когда многих пациентов психиатрических больниц выпустили на волю во имя свободы и человечности, на улицах появилось огромное количество одурманенных наркотиками сумасшедших бродяг. Они заполнили улицы страны, эта армия живых трупов, судьбой которых спекулировали десятки беспардонных политиканов.

Хриплый и пронзительный шепот звучал зловеще, как голос ожившей мумии: «Я знаю, кто ты».

Лучшим ответом было не обращать внимания и идти своей дорогой.

В темноте можно было различить бледное лицо бродяги, обрамленное снизу неопрятной бородой, сверху — длинными и спутанными патлами. Запавшие глаза мерцали, как два заброшенных колодца. «Я знаю, кто ты».

— Никто не знает, — ответил Спенсер.

Коснувшись пальцами шрама, он прошел мимо заброшенной галереи и этого жалкого субъекта.

— Никто не знает, — прошептал бродяга.

Возможно, его слова, обращенные к прохожему, вначале показавшиеся зловещими, даже похожими на какое-то пророчество, были всего-навсего бессмысленным повторением последней фразы, которую он слышал от проходящих мимо. «Никто не знает».

Спенсер остановился у входа в коктейль-бар. Не совершает ли он непоправимой ошибки? Он взялся за ручку, но войти не решался.

Опять из темного подъезда раздался хриплый шепот. Сквозь шум дождя утверждение, казалось, звучит как механический голос далекой радиостанции, расположенной где-нибудь на краю земли. «Никто не знает...»

Спенсер толкнул красную дверь и вошел.

В этот вечер, в среду, очереди здесь не было. Возможно, не было очередей ни в пятницу, ни в субботу. В заведение не ломились посетители.

Теплый воздух был пропитан табачным дымом. Было душновато. В дальнем левом углу прямоугольного помещения под светом прожектора пианист без особого воодушевления трудился над пьесой «Мандарин».

Зал был отделан в черно-серых тонах и украшен полированной нержавеющей сталью, зеркалами и светильниками в стиле ар-деко, отбрасывающими большие темно-синие круги на потолок, что придавало заведению старомодно-стильный вид. Но обивка давно потерлась, зеркала потрескались, сталь помутнела от табачного дыма.

Большинство столиков пустовало. Несколько немолодых пар сидели поближе к музыканту.

Спенсер подошел к стойке, справа от двери, и сел на самый крайний табурет, подальше от пианино.

У бармена были жидкие волосы, землистое лицо, водянисто-серые глаза. Его профессиональная вежливость и бледная улыбка не могли скрыть глубочайшей скуки. Он действовал четко, как робот, и так же механически, полностью отвергая возможность вступить с ним в беседу, поскольку всячески избегал встретиться с посетителем глазами.

У стойки, чуть подальше, сидели еще два человека лет пятидесяти, каждый сам по себе, и с угрюмым видом смотрели в свои стаканы. Воротники их рубашек были расстегнуты, галстуки сбились набок. Вид у них был обескураженный и мрачный, как у служащих рекламного агентства, получивших уведомление об увольнении десять лет назад, но все еще не решивших, что им делать дальше. Возможно, они пришли в «Красную дверь», потому что привыкли расслабляться после работы именно здесь в те дни, когда еще на что-то надеялись.

Единственная работавшая сейчас официантка была необыкновенно хороша — наполовину вьетнамка, наполовину негритянка. На ней был тот же костюм, что и накануне вечером (на Валери вчера был такой же): черные туфли на высоком каблуке, короткая черная юбка, черный джемпер с коротким рукавом. Валери называла девушку Розы.

Посидев минут пятнадцать, Спенсер остановил Розы, проходившую мимо него с подносом:

— Валери сегодня работает?

— Должна, — ответила та.

Он почувствовал облегчение. Валери не солгала. Он боялся, что она могла его надуть, вежливо отшить.

— Я немного из-за нее волнуюсь, — сказала Роза.

— Почему это?

— Ее смена началась уже час назад. — Взгляд Роза остановился на его шраме. — Она даже не позвонила.

— Она нечасто опаздывает?

— Вал? Никогда. Она очень организованный человек.

— Она уже давно здесь работает?

— Месяца два. Она... — Роза перевела взгляд со шрама и взглянула ему в глаза. — Вы ей друг или просто приятель?

— Я был здесь вчера вечером. Сидел на этом месте. Народу было мало, и мы немного поболтали.

— Ах да, я вас помню, — сказала Роза, и стало ясно, что она не очень-то понимает, почему это Валери тратила на него время.

Он не походил на мужчину чьей-либо мечты. На нем были кроссовки, джинсы, рабочая рубашка и джинсовая куртка, купленная в «Кей-марте», — точно так же он был одет и в свой первый приход сюда. Ни одной дорогой вещи. Часы марки «Таймекс». И конечно же, шрам. Всегда этот шрам.

— Я ей звонила, — сказала Роза. — Но никто не ответил. Я волнуюсь.

— Но она опоздала всего лишь на час, это не так много. Может быть, проколола шину.

— В этом городе, — сказала Роза, и лицо ее помрачнело, отчего она показалась старше лет на десять, — ее могли изнасиловать, ее мог пырнуть ножом какой-нибудь накурившийся дряни двенадцатилетний панк, ее даже мог пристрелить угонщик машин прямо на дороге около дома.

— Ну вы и оптимистка!

— Я смотрю телевизор.

Она отнесла напитки на столик, за которым сидели две молодые пары, вид у них был скорее кислый, чем веселый. Не поддавшись новому веянию, охватившему многих калифорнийцев, они яростно пыхтели своими сигаретами. Казалось, они боялись, что недавнее постановление, запрещавшее курить в ресторанах, сегодня распространит запрет на бары и частные



дома, и поэтому курили так, как будто каждая сигарета была последней.

Когда пианист начал брэнчать «Последний вечер в Париже», Спенсер отпил немного пива.

Глядя на унылую физиономию бармена, можно было подумать, что на улице июнь 1940 года, по Елисейским Полям катят немецкие танки и небо расчерчено зловещими полосами истребителей.

Через несколько минут к Спенсеру опять подошла официантка.

— Думаю, вы приняли меня за сумасшедшую, — сказала она.

— Ничего подобного. Я тоже смотрю новости.

— Просто дело в том, что Валери такая...

— Необыкновенная, — закончил за нее Спенсер и, очевидно, попал в точку, поскольку она с удивлением и даже с некоторой тревогой уставилась на него, как будто он прочел ее мысли.

— Да. Необыкновенная. С ней можно быть знакомой всего неделю, и все же... все же хочется, чтобы она была счастлива. Хочется, чтобы у нее все было хорошо.

«Даже не неделю, — подумал Спенсер. — Хватает и одного вечера».

Рози сказала:

— Возможно, потому, что она очень ранима. Ей пришлось много пережить.

— Правда? — спросил он. — Как это?

Она пожала плечами:

— Я точно не знаю, она мне не говорила. Это просто чувствуется.

Он тоже почувствовал в Валери эту уязвимость.

— Но вообще-то, она может и постоять за себя, — сказала Рози. — Фу, не могу понять, чего это я так волнуюсь. В конце концов, она же мне не младшая сестренка. Каждый может иногда опоздать.

Официантка отошла, и Спенсер снова отхлебнул тепловатое пиво.

Пианист приступил к мелодии песни «Это был отличный год», которую Спенсер терпеть не мог, даже когда ее пел Синатра, хотя он был большим поклонником Синатры. Он знал,



что эта песня написана как немного задумчивая, даже слегка меланхолическая, однако ему она казалась ужасно грустной, и он чувствовал в ней не ту грусть, которую может испытывать немолодой человек, вспоминая о прежней любви, а горечь и печаль человека, у края жизни вдруг осознавшего, что он так и не ощутил настоящей любви, настоящего тепла.

Может быть, его собственная интерпретация этой песни каким-то образом выражала его опасение, что когда-нибудь, через много лет, когда его жизнь подойдет к концу, он также будет тосковать от одиночества и неустроенности.

Он взглянул на часы. Валери опаздывала уже на полтора часа.

Беспокойство ее напарницы передалось и ему. Перед его глазами все время возникала одна и та же картина: Валери на полу с лицом, наполовину закрытым темными прядями волос и залитым кровью. Глаза широко раскрыты и не мигают. Он понимал, что все это глупость. Она просто опоздала на работу. И ничего в этом нет страшного. Однако с каждой минутой его тревога нарастала.

Спенсер поставил на стойку недопитое пиво, слез с табурета и прошел под синими светильниками к красной двери. Толкнув ее, он вышел в промозглую ночь, где дождь падал на холщовый навес над дверью с таким шумом, как будто маршировал полк солдат.

Проходя мимо картинной галереи, он услышал, как тихо плачет в тени подъезда оборванец. Он остановился, чувствуя жалость и сострадание.

Между всхлипываниями бродяга шептал слова, которые некоторое время назад произнес Спенсер: «Никто не знает... никто не знает...» Очевидно, эта короткая фраза имела для несчастного какой-то особый глубокий и очень личный смысл, потому что он произносил эти два слова не тем тоном, которым их произнес Спенсер, — в его голосе слышалась неподдельная мука. «Никто не знает».

Хотя Спенсер и понимал, что делает глупость, помогая саморазрушению этого бедолаги, он вытащил из бумажника хрустящую бумажку в десять долларов. Он протянул ее в темноту в сторону запаха, исходящего от бродяги:

— На, держи.

Показалась рука, она была или в черной перчатке, или же просто невероятно грязная — в темноте он не смог разглядеть. Купюру вытянули из пальцев Спенсера, затем опять послышалось тоненькое поскуливание:

— Никто... никто...

— Все будет хорошо, — сочувственно произнес Спенсер. — Такова жизнь. Всем нам приходится нелегко.

— Такова жизнь, нам всем приходится нелегко, — прошептал бродяга.

Все еще видя в своем воображении мертвое лицо Валери, Спенсер поспешно обогнул угол и направился к своему «эксплореру».

Рокки смотрел на него через боковое стекло. Как только Спенсер открыл дверь, собака передвинулась на свое место.

Спенсер залез в грузовик, захлопнул дверь, вместе с ним в кабину ворвался запах сырой ткани и озона.

— Ну что, бандит, скучал?

Рокки поерзал на сиденье и попытался завилать хвостом, хотя это было непросто, поскольку он сидел на нем. Включая двигатель, Спенсер сказал:

— Тебе будет приятно узнать, что я не стал сегодня делать глупостей. — Пес чихнул. — Но только потому, что она не пришла.

Собака удивленно склонила набок голову.

Дергая за ручку коробки передач, Спенсер сказал:

— Так вместо того, чтобы забыть обо всем, к чертовой матери, и пойти домой, знаешь, что я буду делать, а?

Было ясно, что собака не знала ответа на этот вопрос.

— А я собираюсь сунуть нос не в свое дело, еще раз попытать удачи. Скажи мне честно, дружище, ты считаешь, что я совсем чокнулся?

Рокки лишь тихо сопел.

Отъезжая от тротуара, Спенсер сказал:

— Да, ты прав. Это клинический случай.

Он направился прямо к дому Валери. Она жила в десяти минутах езды от бара.

Прошлой ночью они с Рокки ждали в «эксплорере» до двух ночи у «Красной двери» и медленно ехали за Валери, когда она после закрытия бара отправилась домой. Благодаря своим навыкам разведчика Спенсер знал, как незаметно вести наблюдение за машиной. Он был совершенно уверен, что она его не засекала.

Он, правда, не был также уверен в том, что сможет вразумительно объяснить ей — или самому себе, — почему он вдруг решил ехать за ней. После единственного вечера, когда они немного поговорили, да и то их время от времени прерывали многочисленные посетители, требуя ее внимания, Спенсер был полон желания узнать о ней все. Абсолютно все.

В сущности, это было не просто желание. Это была потребность, и ему было необходимо ее удовлетворить.

Хотя у него были вполне невинные намерения, ему было ужасно стыдно за эту навязчивую идею. Прошлой ночью он сидел в своем «эксплорере» напротив ее дома и смотрел на ее освещенные окна с прозрачными занавесками. На какое-то мгновение на них возникла ее тень, легкая и нечеткая, как дух на спиритическом сеансе. Около половины четвертого погас свет. Пока Рокки мирно спал, свернувшись калачиком, Спенсер все сидел, глядя на темный дом, думая о том, какие книги читает Валери, чем она любит заниматься по выходным, какие у нее были родители, где она жила в детстве, о чем она мечтает и как сбивается ее ночная сорочка, когда сон девушки бывает неспокоен и ей снятся тревожные сны. В этих раздумьях он провел еще час.

Теперь, спустя почти сутки, он снова направлялся к ее дому, чувствуя легкую тревогу. Она опоздала на работу. Просто опоздала. Его неоправданное беспокойство подсказывало ему, что как бы он ни хотел это скрыть от себя самого, но эта женщина интересовала его чрезвычайно.

По мере того как он удалялся от набережной в сторону жилых кварталов, движение становилось менее интенсивным. Мокрые крыши проезжавших машин тускло поблескивали, и создавалось ложное впечатление единого движения, как будто улица превратилась в реку с медленным и ленивым течением.



Валери Кин жила в тихом квартале, застроенном в конце сороковых деревянными оштукатуренными домами. Эти четырех-пятикомнатные домики были скорее уютны, нежели удобны: заросшие диким виноградом крылечки, разукрашенные ставни, резные или лепные наличники и застрехи, красиво оформленные чердачные окна.

Поскольку Спенсеру не хотелось привлекать к себе внимание, он, не замедляя движения, проехал мимо ее дома, расположившегося в южной части квартала, лишь бросив взгляд на темные окна. Рокки сделал то же самое, однако собака не нашла в этом доме ничего необычного, так же, впрочем, как и ее хозяин.

В конце квартала Спенсер свернул. Переулки, убежавшие вправо, заканчивались тупиками. Он миновал их. Он не хотел оставлять машину в тупике. Тупик — это ловушка. На следующем перекрестке он опять свернул направо и остановил машину у обочины на улочке, похожей на ту, где жила Валери. Он выключил дворники, однако двигатель продолжал работать.

Он все еще надеялся, что возьмет себя в руки, включит нужную скорость и направится домой.

Рокки с интересом взглянул на него. Одно ухо торчало вверх. Другое свисало вниз.

— Что-то я не управляю ситуацией, — сказал Спенсер скорее себе, чем любопытному псу. — И сам не знаю почему.

Дождь стучал по стеклам машины. Сквозь водяную пелену свет фонарей казался мерцающим.

Он вздохнул и выключил двигатель.

Выезжая из дома, он забыл зонт. После небольшой пробежки до входа в «Красную дверь» и обратно он немного промок, но если придется идти до самого дома Валери, то он вымокнет до нитки.

Он и сам не понимал, почему не остановил машину у ее дома. Профессиональное. Инстинкт. Паранойя. А может быть, все три фактора, вместе взятые.

Наклонившись над Рокки, не замедлившим лизнуть его в ухо теплым влажным языком, Спенсер открыл бардачок и, вытащив оттуда фонарик, засунул себе в карман куртки.



— Если кто-нибудь полезет в машину, — предупредил он собаку, — выпусти из него все кишки.

Рокки зевнул, и Спенсер выскочил из грузовика. Он запер машину с помощью дистанционного управления и, дойдя до перекрестка, повернул на север. Он не стал бежать. Как бы он ни спешил, все равно промокнет насквозь, пока дойдет до нужного домика.

Вдоль улицы росли палисандры. Они не очень-то защищали от дождя, даже когда были покрыты листьями и розовыми цветами, теперь же, зимой, ветви вообще были голыми.

Когда Спенсер дошел до улицы, где жила Валери, его одежда была совсем мокрой. Огромные индийские лавры толстыми корнями взламывали тротуар, зато их раскидистые ветки и широкие листья хорошо защищали от холодного дождя.

Эти огромные деревья не давали пробиться желтоватому свету уличных фонарей и тех фонарей, что горели у входной двери. Деревья и кустарники, росшие возле домов, тоже были большими, даже чересчур. Если кому-нибудь из обитателей этих жилищ пришлось бы в голову выглянуть в окно, то вряд ли им удалось бы увидеть сквозь густую зелень, что происходит на тротуаре.

Идя вдоль домов, Спенсер быстрым взглядом окидывал припаркованные у обочины автомобили. Насколько он мог судить, ни в одном из них никого не было.

У дома напротив коттеджа Валери стоял фургон «Мэйфлауэр» для перевозки мебели. Спенсеру это было на руку, поскольку большой фургон загораживал окна соседей. Около машины никого не было, — очевидно, переезд был запланирован на утро.

Спенсер прошел по дорожке, ведущей к дому, и поднялся на невысокое крыльцо, по обеим сторонам которого рос не дикий виноград, а ночной жасмин. И хотя он еще только расцвел, воздух был напоен его нежным, ни с чем не сравнимым ароматом.

Крыльцо не освещалось, так что Спенсера вряд ли могли увидеть с улицы.

В темноте ему пришлось обшарить рукой чуть ли не всю дверь, прежде чем он обнаружил кнопку звонка. Он нажал ее

и услышал, как в глубине дома раздался тихий мелодичный звон.

Он подождал. Свет не зажигался.

Он почувствовал, как по шее поползли мурашки. У него было ощущение, что за ним наблюдают.

Справа и слева от крыльца были окна. Насколько он мог судить, между плотно задвинутыми шторами не было щелей, сквозь которые кто-либо мог на него смотреть.

Он оглянулся. Желтый свет уличных фонарей превращал дождевые потоки в сверкающие струи жидкого золота. У обочины в тени деревьев стоял фургон, лишь передняя его часть освещалась фонарем. Неподалеку стояли «хонда» устаревшей модели и еще более старый «понтиак». На улице не было ни души. Ни одного движущегося автомобиля. Тишину нарушал только монотонный шум дождя.

Спенсер еще раз позвонил.

По шее снова побежали мурашки. Он даже провел рукой под воротником, надеясь, что туда попал паук и щекочет его мокрую кожу. Но никакого паука там не было.

Он опять вышел на улицу, и тут ему показалось, что позади фургона что-то зашевелилось. Он с минуту вглядывался во тьму, но больше ничего не заметил, кроме отвесно падающих золотистых потоков дождя, как будто они и вправду были струями драгоценного металла.

Он понимал, почему так нервничает. Он был здесь чужим. Он чувствовал, что не имеет права здесь находиться, и это действовало ему на нервы.

Опять повернувшись к двери, он вынул из кармана брюк бумажник и вытащил свою кредитную карточку.

Хотя он и не желал себе в этом признаваться, он был бы здорово разочарован, если бы в окнах Валери горел свет. Он действительно волновался из-за нее, но не предполагал, что она лежит раненая или даже мертвая в своем темном доме. Он не был психом: образ, возникший у него перед глазами — окровавленное лицо Валери, — он подсознательно вызывал сам, чтобы иметь предлог сюда приехать.

Его стремление узнать о Валери как можно больше походило на юношеское увлечение. В данный момент он не мог рассуждать здраво.



Спенсер испугался. Однако не стал оборачиваться.

Он просунул карточку в щель между дверью и косяком и попытался поднять щеколду. Он предполагал, что на двери может оказаться и засов, поскольку Санта-Моника был не менее криминогенным, чем все остальные города в предместье Лос-Анджелеса, но надеялся, что ему повезет.

Ему повезло даже больше, чем он рассчитывал. Входная дверь была не заперта. Даже защелка не была отпущена. Когда он повернул ручку, дверь отворилась.

В полном изумлении и все сильнее чувствуя свою вину, он опять бросил взгляд назад. Индийские лавры. Большой фургон для перевозки мебели. Машины. И дождь, дождь, дождь.

Он вошел. Закрыл дверь и остановился, прислонившись к ней спиной, дрожа всем телом и чувствуя, как с мокрой одежды стекает вода на ковер.

Сначала комната, куда он попал, показалась ему абсолютно темной. Однако, когда его глаза привыкли к темноте, он смог различить занавешенное окно, потом второе и третье — они выделялись темно-серыми прямоугольниками в кромешной тьме.

И хотя в этом мраке могли таиться толпы людей, он почувствовал, что находится в доме один. Дом казался не просто пустым, а нежилым, брошенным.

Спенсер вытащил из кармана фонарик. Он постарался прикрыть левой рукой свет, чтобы тот не был замечен извне.

Луч высветил пустую гостиную, где не было никакой мебели. На полу — ковер цвета кофе с молоком. На окнах легкие занавески бежевого цвета без всякого рисунка. На потолке светильник с двумя лампочками, который, очевидно, включался одним из трех выключателей, расположенных у входной двери. Он не стал их трогать.

В своих хлюпающих кроссовках он прошел в другой конец гостиной, где под аркой был вход в небольшую и такую же пустую столовую.

Спенсер подумал было о мебельном фургоне на другой стороне улицы, но решил, что вещи Валери не могут там находиться. Вряд ли она выехала отсюда этим утром, после того как он оставил свой наблюдательный пост около ее дома и отправил-

ся спать. У него, скорее, было чувство, что она вообще сюда не въезжала. На ковре никаких следов от мебели. На нем явно давно не стояло никаких столов, торшеров, тумбочек или шкафов. Если Валери и жила в этом доме те два месяца, что работала в «Красной двери», то, по всей вероятности, никак не мебелировала его и не собиралась жить здесь долгое время.

Справа от столовой небольшой проход вел в маленькую кухню, в которой стояли сосновые столики с верхом из красного пластика. Он сделал несколько шагов, оставляя мокрые следы на выложенном серыми плитками полу.

Сбоку от двойной мойки осталась стопка посуды — глубокая тарелка, хлебница, мелкая тарелка, блюдечко и чашка, — все было чисто вымыто. Рядом стоял также и стакан, около которого лежали вилка, нож и ложка — тоже совершенно чистые.

Спенсер повернул фонарик вправо, чуть прикрывая пальцами стекло, чтобы сделать луч менее ярким. Он дотронулся пальцами до края стакана. Хотя Валери и вымыла его, все же ее губы касались этого края.

Он никогда не целовал ее. А может быть, теперь никогда и не поцелует.

Эта мысль смутила его, он почувствовал себя идиотом и еще раз напомнил себе, что в его одержимости есть что-то ненормальное. Он не имел права находиться здесь. Он вторгся без каких-либо оснований не только в ее дом, но и в ее личную жизнь. До этого момента он был честным человеком и всегда уважал закон. Однако, проникнув в этот дом, он пересек какую-то черту, перешел границу порядочности, а то, что утратил, вернуть было невозможно.

И все равно он не ушел оттуда.

Открыв ящички кухонных столов, он не обнаружил в них ничего, кроме консервного ножа. Там не было тарелок, никакой посуды, если не считать той, что стояла на краю мойки.

Большинство полок в небольшой кладовке были пусты. Весь запас продовольствия состоял из трех банок с персиками, двух — с ананасовым компотом, коробочки с небольшими синими пакетиками заменителя сахара, двух коробок с готовыми завтраками и банки растворимого кофе.



Холодильник был практически пуст, но морозилка забита готовыми и довольно дорогими блюдами.

Холодильник стоял рядом с дверью, стекло которой закрывала желтая занавеска. Он сдвинул ее в сторону и увидел, что дверь выходит на боковое крыльцо, за которым виднелся мокрый дворик.

Он оставил занавеску. Внешний мир его не интересовал, ему было интересно лишь то, что было связано с жизнью Валери, местом, где она дышала, ела, спала.

Хлопая кроссовками по плиткам кухни, он прошел к двери. Перед ним качались тени и скрывались в углах, когда он проходил мимо них, но тут же вновь возвращались на прежнее место.

Его била дрожь. В доме было холодно и промозгло, почти так же, как и снаружи. Очевидно, отопление было весь день выключено, и это свидетельствовало о том, что Валери ушла из дома уже давно.

Шрам горел огнем на его холодном лице.

Посредине задней стены столовой была еще одна дверь. Он открыл ее и увидел небольшой коридорчик, поворачивающийся сначала налево, потом направо. В конце его виднелась приоткрытая дверь, за которой можно было разглядеть выложенный белой плиткой пол и раковину.

Он уже собирался было шагнуть в коридорчик, как услышал звуки, не похожие на стук дождя по крыше. Сначала глухой удар, потом какой-то тихий скрип.

Он моментально выключил фонарик. Стало темно и жутко, как в комнате ужасов, когда замираешь, прежде чем из темноты на тебя выскакивает искусственный скелет со злобещей улыбкой.

Сначала звуки казались специально приглушенными, как будто кто-то крался к дому по мокрой траве, но вдруг поскользнулся и ударился о стену. Но чем дальше Спенсер прислушивался, тем больше убеждался, что звук донесся откуда-то издалека, — возможно, просто кто-то хлопнул дверцей машины где-нибудь на улице или около соседнего дома.

Он включил фонарик и стал оглядывать ванную. Полотенце для рук, банное полотенце и мочалка висели на вешалке. В пластмассовой мыльнице лежал наполовину использованный кусок мыла. Аптечка же была пуста.

**Кунц Д.**

**К 91** Темные реки сердца : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. Ю. Комова, Т. Дадьяновой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 640 с. — (The Big Book. Дин Кунц).

ISBN 978-5-389-14848-2

Он вычеркнул у себя из памяти событие шестнадцатилетней давности, сменил имя, казалось бы, уничтожил все, что связывало его с кошмаром из прошлого. Но однажды судьба привела его к стойке бара с дверью, выкрашенной в кровавый цвет. События, последовавшие за этим, — встреча с женщиной, вспыхнувшая любовь, безжалостные люди из некоего таинственного агентства, устроившие на него охоту, — возвращают Спенсера Гранта в ту далекую и страшную ночь, когда он услышал за окном крик — голос боли, отчаяния и надежды...

**УДК 821.111(73)**

**ББК 84(7Сое)-44**

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ

## ТЕМНЫЕ РЕКИ СЕРДЦА

Ответственный редактор Александр Етоев  
Художественный редактор Вадим Пожидаев  
Технический редактор Татьяна Тихомирова  
Компьютерная верстка Евгении Стах  
Корректоры Наталья Бобкова, Анна Быстрова  
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.11.2018. Формат издания 60 × 90<sup>1/16</sup>.  
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40.  
Заказ №

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —  
обладатель товарного знака АЗБУКА®  
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1  
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
в Санкт-Петербурге  
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А  
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)  
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт».  
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,  
комплекс № 3А.  
[www.pareto-print.ru](http://www.pareto-print.ru)



И-КББ-23153-01-Р